

В первый же день ареста я был вызван на допрос начальником I-го отделения III-го отдела Н.К.В.Д. УССР. Штернбергом и его заместителем Готовцевым.

Допрос сразу же начался и протекал все время в обстановке невообразимой площадной ругани и издевательства, а в дальнейшем и избиения /следователем Гуженцовым и начальником II-го отделения III-го отдела сержантом Аратюновым/. Все это сопровождалось постоянными угрозами ареста и воздействия на мою семью /что в действительности и произошло вскоре после моего ареста и о чем я сейчас же случайно узнал в тюрьме. Моя семья, совершенно незаконно, была выселена из дома, в котором мы жили; жена моя выслана в г.Остер, Черниговской области; квартира разорвана; большая часть имущества была выброшена на улицу/.

Кроме того мне была показана в копии телеграмма из Москвы за подписями замнаркома НКВД СССР Френковского, прокурора Союза ССР Вышинского и замнаркома здравоохранения Проппер-Гращенко о разрешении органам Киевского НКВД меня арестовать. Причем, показывая эту телеграмму, мне заявили, что это разрешение дано в результате посланных в Москву неопровержимых и многочисленных доказательств моей контрреволюционной деятельности в качестве немецкого шпиона, активного члена Украинского центра немецкой фашистской диверсионной организации и крупного вербовщика штурмовых повстанческих фашистских отрядов.

Я настойчиво требовал ознакомить меня с документами, изобличающими меня в таких тяжелых преступлениях, но в этом, по моему, вполне законном требовании мне было категорически с издевательствами отказано.

Я допускал, в лучшем случае, что указанная выше телеграмма за подписями Френковского, Вышинского и Проппер-Гращенко могла быть и подложной с целью меня запугать. Но если бы было даже и так, как я думал, то, находясь в исключительных обстоятельствах, я легко себе представил, ознакомившись в тюремной камерной обстановке того времени /весна и лето 1938г./, что несомненно уже имеется лживый и клеветнический материал на меня, добытый какими же, если еще не худшими, методами воздействия, какой применяли ко мне и другим или имеется такой же лживый донос какого-нибудь негодяя, который под флагом бдительности использовал мою немецкую фамилию во времена дикого разгула действительного врага народа Успенского, бывшего наркомом НКВД УССР, для того,

чтобы свести со мной личные счёты.

Взвешивая трезво создавшуюся обстановку, я ясно себе представил, что мое "упорное" сопротивление "сознанию" в несуществующих преступлениях может повести лишь к тому, что при тех методах следствия, число показаний против меня можно очень легко увеличить до какого угодно количества и качества /такое мое предположение неопровержимо подтвердилось в ближайшее время показаниями докторов Поляка и Абраг~~ам~~^{ам}, а также Абраим~~ова~~^{ова} и Гаутерманца, имеющиеся в моем деле. Эти показания были созданы против меня уже в тюрьме с целью запугать меня, чтобы я не смел отказываться от данных заведомо ложных показаний.

Итак, под влиянием создавшейся тяжелой и, как мне тогда казалось, безвыходной обстановки и постоянных угроз ареста моей семьи, " я решил купить спасение своей семье - пожилой и болезненной жены и единственного сына, успешно заканчивавшего в том году /1938г./ биологический факультет Киевского Университета, спасти их от тех мучений, каким я подвергался в кошмарные времена действительных врагов народа - Ежова и Успенского.

Я решил клеветать на себя, а в дальнейшем, ~~и на других~~ по безоговорочному требованию следователей и на других, таких же ни в чем не повинных людей, как и я сам. В основу моих вымышленных показаний я положил два факта, имевших в действительности место и известные НКВД, а именно: 1/ мое участие на банкете у Германского консула в Киеве и 2/ мое знакомство с германской подданой акушеркой Эмилией Христиановной Каммерер.

Вот именно эти два основные факта и поверхностно непроверенные в отдельных деталях следствием после того, как я 20/У 1939г. заявил Военному прокурору Киевского Особого Военного об отказе от всех моих предыдущих показаний, над полагать и послужили основанием Особому Совещанию для моего осуждения.

Точно не помню, но кажется, что в 1923 или в 1924г., осенью я получил, как представитель Киевской медицинской общности, приглашение от киевского германского консула Стефани посетить ответный раут, даваемый им в честь командиров Красной Армии, пригласивших представителей Германской армии на осенние маневры в Киеве.

Раут был назначен на 9 часов вечера и около 12 часов ночи, под предлогом нездоровья, я, один из первых, ушел уже домой.

Не владея хорошо немецкой разговорной речью, я не принимал никакого участия в разговоре ни с консулом, ни с кем-либо из немцев.

Я просидел весь вечер за столом с Кричевцевым, состоявшим тогда председателем Киевского жилсоюза и которого я знал по общественной работе.

Этот раут я изобразил в своих показаниях так: консул, отозвав меня в сторону, начал общий разговор, который кончил тем, что завербовал меня в шпионы, обещав для связи с ним прислать германскую подданную Эмилию Христиановну Каммерер, через которую я должен буду получать от консула шпионские задания.

Я долго сомневался в том, что следствие примет от меня такую наивную вербовку. И в самом деле, я был на рауте всего 3 часа, гости были совсем незнакомы друг с другом и делились на 2 части: немцев и русских; как те, так и другие, за малым исключением, не зная языка, не могли разговаривать друг с другом. Роль хозяина, которую играл консул, была в этих условиях очень затруднительна: ему надлежало все время об'единять своих необ'единимых гостей, и с напряжением поддерживать разноязычный общий разговор.

По моей версии он не только успел за это короткое время так ловко молниеносно завербовать меня, но и вместе с тем обнаружить, как дипломат, большое легкомыслие и допустил крупный риск, так как он решился завербовать никогда меня раньше не видевши и не будучи совершенно со мною лично знакомым. Сделать это, быть может, он мог бы, очевидно только в том случае, если бы был вполне уверен в своих действиях, т.е. мог заранее безусловно надеяться на то, что я являюсь, по его сведениям, вполне для этой вербовки подготовленным.

Этих сведений он как раз, как разведчик и вербовщик шпионов ни от кого не мог иметь /По брошюре пресловутого Заковского это входило в обязанности консулов. Я же в значительной мере, в своих показаниях руководствовался рецептами Заковского/.

Я был очень популярен в Киеве, вся моя жизнь была на виду у всех. Я родился и вырос в Сибири, во Владивостоке. Родным языком в семье был русский. Отец по происхождению был из прибалтийских немцев, русских подданных еще со времени Петра I. Мать была поляка.

Отец за участие в Польском восстании против царизма в 1863 году был сослан с моей матерью в Сибирь на Амур.

Я рос русским, чуждый совершенно немецкому национализму.

В 1901г., окончив гимназию во Владивостоке, я поехал в Томск для поступления на медфак. В 1904г. я перевелся в Киев на 4-й курс и окончил там медфак в 1907г. В этом же году я женился. Жена моя русская, православная по ~~р~~ещению.

За участие еще в Томске в студенческих "беспорядках" я был до 1910 под надзором полиции.

Итак, с 1904г. по день ареста я жил почти безвыездно все время в Киеве. Я был лютеранин, но, как атеист, я не бывал в немецкой церкви и не принимал, вследствие этого никакого участия в клерикальной жизни, вокруг которой, как это известно, группировались все немцы в Киеве. До и после революции с немецким обществом, вне церкви, я также никогда не сталкивался и ничем не был с ним связан. Как на одно из доказательств этому могу привести следующий факт. Евангелическо-лютеранское Общество в Киеве построило и открыло в 1915г. Евангелическую больницу, в которой все Киевские врачи-немцы получили разные платные места. Мне, по правде сказать, по материальным соображениям, тоже очень хотелось получить там место, но мне его не дали, потому что я не числился членом Общества и перед этим не имел ничего общего с ним и не имел никого, кто бы мог меня рекомендовать. С женой мы не имели ни одной знакомой немецкой семьи.

Как я уже выше сказал, я не владел, за отсутствием практики, немецким разговорным языком. Во время немецкой оккупации на Украине при гетмане я так же не имел ничего общего с оккупантами.

Следствие ни разу не могло меня упрекнуть в каком бы то ни было нарушении лояльности за этот период времени.

Если эти факты будут возбуждать какие-нибудь сомнения, то я легко их могу доказать.

Таким образом немецкий консул не мог иметь никаких оснований для такой рискованной скоростной вербовки меня на рауте, где основными гостями были ответственные партийные работники и советские работники г.Киева. Трудно себе все таки представить, что, если бы все так происходило так, как я это изобразил в своих показаниях, консул пошел бы на такой большой риск, чтобы завербовать такого "крупного" шпиона, каким это изображало меня следствие, для выполнения таких смехотворных заданий, о которых я буду говорить несколько ниже.

~~Видно, раута я никогда больше не видел из этого периода.~~

~~Видно, раута я никогда больше не видел из этого периода.~~

После раута я никогда больше не видел ни этого, ни других немецких консулов в Киеве и никаких сотрудников консульства и нигде в другом месте с ними не встречался.

Я очень боялся все время, что следствие задаст мне вопрос, с каким проверить меня в искренности моих показаний или по какому-либо другим соображениям, каковы были фамилии последующих немецких консулов в Киеве. На этот вопрос я не мог бы ничего ответить, так как не знал фамилии ни одного из консулов, бывших в Киеве после отъезда Стефани.

Подтвердить правдоподобность всего только что сказанного мною могут:

1/ Кричевцов, бывший председатель Киевского жилсоюза, а незадолго перед тем киевский губвоенком, - то, что на рауте я провел весь вечер, сидя рядом с ним за столом.

2/ Академик Стражеско Николай Дмитриевич, Киев ул. Короленко № 18а то, что я неоднократно в разговорах в то время с ним, как и он сам отрицательно относился к предложению знакомства с немецким консулом Стефани.

3/ Виттенбург Инна Александровна, моя жена, - то, что я возвратился с раута рано и о том, что у нас в доме никогда не бывали ни один из немецких консулов, ни один из сотрудников немецкого консульства и ни один немецкий подданный или какой бы то ни было немец по происхождению, за исключением акушерки Эмили Христиановны Каммере о которой я буду говорить ниже.

4/ Ирина Фридриховна Снегуровская и ее сестра Марго Фридриховна Мейссель, мои племянницы, жившие вместе со мной с 1917г. - то же самое.

5/ Евгения Федоровна Попова, бывшая воспитательница моего сына, живущая в моей семье с 1917г /адрес ее может указать моя жена/, может подтвердить то же самое.

6/ Домашние работницы, жившие подолгу у нас /адреса и фамилии их с именами и отчествами может указать моя жена/. Все могут указать кто у нас бывал в доме и в частности подтвердить, что у нас никогда не бывали какие-либо немцы.

7/ Донец Михаил Иванович, народный артист Республики, член партии Киев, Зверинец, Церковная ул. /номер не помню, но его все знают там/ как близкий и старый знакомый нашей семьи, может подтвердить как я и вся моя семья были чужды всему националистически немецкому, а тем более фашизму и что он никогда не встречал у нас в доме кого-либо из немецкого консульства и немцев вообще.

Второй факт, который я вложил основу своих показаний, является мое знакомство с немецкой подданной акушеркой Э.Х.Каммерер. Она была русско подданной немкой. Еще до войны она вышла замуж за коммерсанта немца германского подданного. Как акушерка, она работала с моим покойным учителем профессором Г.Ф.Писемским, занимала у него главное место. Во время беременности моей жены профессор Писемский рекомендовал ее мне в качестве акушерки. Таким образом она оказала моей жене медицинскую услугу и с того времени Э.Х.Каммерер, как это обычно бывает среди акушерок и их пациенток, навещала мою жену один раз в 1-1²/1 года. Я же фактически с ней почти совершенно не встречался и никогда с ней не работал. Вскоре после революции умер ее муж и она, как немецкая подданная, должна была бывать по своим личным делам в консульстве. В 1934г., с приходом Гитлера и фашистов к власти в Германии, я попросил, через свою жену, прекратить всякое знакомство с ней и посещение нашего дома, как с лицом, бывающим в немецком консульстве. Это было вызвано с моей стороны тем, что я занимал в Киеве очень крупное общественное положение, кроме того, я был единственным консультантом Санотдела НКВД СССР по акушерству и женским болезням и все женщины из НКВД, нуждавшиеся в той или иной помощи по этой специальности, находились на излечении только в моей клинике. Таким же консультантом я был и в Лечсанупре НК ЗДР СССР. По вполне понятным причинам, прекращая всякое знакомство с Каммерер, я не хотел компрометировать себя и давать кому бы то ни было повод обвинять меня в сношении с кем-либо из сотрудников консульства или с немцами вообще. Так, Каммерер с тех пор и не бывала у нас и всякое знакомство с ней было прекращено. Как я узнал впоследствии ей, по материальным соображениям, стало тяжело жить в Киеве и она выехала в самом начале 1936г в Германию. В своих показаниях, с целью затянуть как можно дольше мою связь с ней и чтобы на этом покончить с моей "шпионской деятельностью", я нарочно повазал значительно более поздний срок ее отъезда. Эта вынужденная неправильность очень меня смущала, так как произведенная следователем проверка, даже по телефону, в паспортном отделе действительного ее отъезда, показала бы следствию неправдивость моих показаний, со всеми вытекающими отсюда для меня неблагоприятными последствиями. Следствие же этого не сделало, так как охотно принимало все, что я на себя наговаривал.

Но, отдавая срок отъезда в Германию Каммерер, с целью удлинить через нее мою связь с консульством и на этом закончить мою "контрреволюционную деятельность" я только проиграл, так как следователи Штернберг, Готовцев, Ровинский, Голубочкин, Руженцов и др. мне заявили, что "настоящие" шпионы так не кончают свою деятельность, а раз ставши шпионом должны умирать шпионами. Следователи всякими угрозами настойчиво требовали от меня, согласно только что указанной формуле, продолжения моей связи с консульством вплоть до моего ареста и настаивали, чтобы я назвал лицо, с которым я эту связь в дальнейшем поддерживал. Это поставило меня в очень затруднительное положение, так как у меня не было подходящего лица для этой цели. Помог случай. Как раз в это время в мою камеру /№-4 во внутренней тюрьме НКВД на Институтской ул./ перевели из 12 камеры той же тюрьмы Владимира Васильевича Слинко. Вскоре же после этого он мне рассказал, что там сидел он вместе с профессором Клейном Борисом Ильичем /того же Мединститута, в котором работал и я/ и что он, Клейн вынужденно дает показания о своей шпионской деятельности и связи с германским консульством в Киеве. Я ухватился за это и, посоветовавшись со Слинко, а также еще с одним однокамерником Карасем Феодосием Яковлевичем, который был в курсе моего дела, решил создать версию, что за отъездом Каммерер, последняя якобы получила от консульства предписание мою дальнейшую связь с консульством поддерживать через Клейна, который и стал оттуда передавать мне всякие задания. Но на этом мне опять таки не удалось закончить свою контрреволюционную "деятельность".

Когда я попал в руки начальника I-го отделения III-го отдела Ровинского и следователя Руженцова, им показалась слишком ничтожной вся моя деятельность и от меня стали требовать еще новых преступлений, каких-нибудь диверсий, ибо, по их формуле, нет шпиона без диверсии. Все мое энергичное сопротивление их домоганиям ни к чему не привело, и под давлением избития и угроз немедленного ареста моего сына /который, как я это знал, был на свободе, а жена моя была в это время выслана из Киева в г.Остер, Черниг.обл./ Я, по прямому требованию Ровинского и Руженцова, указавших мне в чем я должен был еще сознаться, признал себя еще виновным

бактериологической диверсии и во вредительстве с переливанием крови, которое, якобы, по моему поручению выполнял проф. Федоровский. Это признание в тяжчайших преступлениях уничтожения во время войны мирного ни в чем неповинного населения, путем отравлений, а бойцов доблестной Красной Армии, путем уничтожения их во время переливания крови, того акта, который должен был бы возмездать их к жизни, - так потрясло меня, что, придя под утро с допроса в камеру, решил удавиться, так как пережить сознание, хотя и вынужденное ложное, в таких преступлениях, я не мог.

Довести до конца мое решение помешал однокамерник Пиотровский Александр Владимирович. Утром, при внезапном обыске, в камере помощник начальника внутренней тюрьмы Боряченко обнаружил тщательно спрятанную мною петлю и вынудил меня сознаться, что она принадлежала мне. Будучи вызван к нему в кабинет, я объяснил ему причины, которые побудили меня к самоубийству.

После этого события Ровинский и Руженцов, очевидно информированные Боряченко о моем покушении на самоубийство, перестали меня мучить и удовольствовались моей версией, что я, по прямому указанию Клейна, должен был во время будущей войны, в ~~несуществующей~~ несуществовавшей еще лаборатории моей только что выстроенной клинике хранить всевозможные остро-заразные бактерии и передавать их лицам, которых обязан был мне указывать Клейн / То, что от меня требовали следователи Ровинский и Руженцов было гораздо более значительным. Клейн, как лицо, с которым я должен был связать свою диверсию, было также ими указано мне /.

Через некоторое время после этого Руженцов приступил к составлению ~~краткого~~ основного протокола моего допроса от 3/VI-1938г.

Весь протокол был составлен им без всякого моего участия. Ни одного вопроса из этого протокола я не слышал и, следовательно, не мог и давать ответы на эти вопросы. Весь протокол очень извращен и в нем очень многое добавлено богатой фантазией Руженцова и страстным его желанием создавать страшные "центры". Такой центр, по замыслу Руженцова, в моем протоколе должен был руководить всей контр-революционной фашистской шпионской и диверсионной деятельностью и состоял из нескольких медицинских лиц. Такой специфический состав "центра" побудил меня, когда я знакомился с протоколом, с скрытой иронией предложить Руженцову назвать его "медицинским центром", но он не захотел согласиться с моим предложением, так как ему, очевидно, было жалко ограничивать свое творчество. Я тщетно отказывался подписать этот протокол, но недвусмысленные угрозы Руженцова "начать все сначала" вынудили меня дать под ним подпись.

Это было как раз время дикого разгула врага народа наркома Лепенского. На меня напала апатия и безразличие. Мне казалось, что своим "сознанием" я уже спас свою семью и стал спокойно и равнодушно ждать расстрела за все твои, хотя и никогда не существовавшие преступления, так красочно описанные в протоколе Гуженцова. Но при объективном, спокойном и внимательном разборе его творчества без труда можно установить всю нелепость и бессмысленность им написанного; но в то время это было как раз очень хорошо.

Допросом нижеуказанных лиц может быть установлена правдивость всех моих слов и действий, указанных в этом разделе:

1/ Виттенбург Цина Александровна, моя жена может подтвердить, что Камерер Эмилия Христиановна была только акушеркой в доме, никогда не бывала как знакомая, заходя, как акушерка к моей жене 1 раз в I - I¹/₂ года, и то короткое время, к ней лично.

Никогда и ни разу она не заходила в мой кабинет для каких бы то ни было тайнственных переговоров и что знакомство с ней, по моей инициативе, было прекращено в 1931г.

2/ Снегуровская Ирина Фридриховна и Мейсель Марго Фридриховна /Киев, ул. Короленко №-66, кв.4./, мои племянницы, жившие у меня, могут подтвердить то же самое.

3/ Попова Евгения Федоровна /адрес может указать моя жена/, также жившая до моего ареста со мной вместе в одной квартире, может подтвердить то же самое.

4/ Работницы, жившие у меня в доме подолгу, фамилии, имена и адрес которых могут быть указаны моей женой и прекрасно знавшие, кто у меня в доме бывал, могут подтвердить то же самое.

5/ Карась Феодосий Яковлевич и Слинько Владимир Васильевич /адреса их могут быть установлены НКВД УССР, так как они сидели со мной одновременно в 4-ой камере внутренней тюрьмы на Институтской ул. в Киеве в марте-апреле 1938г/. Оба они могут установить, как совместно с ними и по их совету я предварительно разрабатывал свои показания и, в частности, подтвердят, что мое указание на Клейна, как на лицо, с которым меня связала Камерер, вызвано хронологически после прихода в камеру Слинько, пришедшего из камеры, в которой перед этим он сидел вместе с Клейном и рассказавшего мне о сущности и содержании показаний Клейна.

6/ Клейн Борис Ильич / теперь на свободе/ Киев, ул. Горюница -17, установит, что хронологически я раньше, чем он на меня, показал о директиве Каммерер связаться мне с ним. Клейн показал, когда следствие ознакомило его с моими показаниями, что выполнил эти "директивы" у меня на дому, когда я был болен малярией и он брал у меня кровь для анализа в 1936 или 1937г. и подтвердил этот факт, так как это было выгодно для меня, ибо он вконец совпал случайно с временем от'езда Каммерер за границу.

На самом же деле моя болезнь имела место в начале 1934г., когда я только что приехал с курорта Халтубо, где я заразился малярией. Этот факт, т.е. время моей болезни, может быть проверено по записям книг лаборатории Клейна, а также моими родным и врачами, лечившими меня.

Действительный срок посещения меня Клейном, т.е. август 1934г., по характеру моих показаний, был невыгоден для меня, так как вопрос о переходе связи к Клейну мог быть поставлен только после от'езда Каммерер за границу, т.е. осенью 1936г. /опять таки не соответствующий действительному сроку ее от'езда, т.е. ранняя весна 1936г./ и на этот срок я и перенес посещение меня Клейном.

На самом деле его посещение, как я только что сказал, состоялось в 1934г., когда еще не было фашизма в Германии и мы, следовательно, не могли с Клейном "развивать" свою фашистскую деятельность. Кровь, как известно, при малярии для анализа берут только во время припадка. Когда Клейн брал у меня кровь, у меня, как раз, был сильнейший припадок с высокой температурой, и я был почти без сознания, так что еще и поэтому я не мог с Клейном, в таком состоянии, налаживать очень серьезную шпионскую связь.

7/ Плюгровский Александр Владимирович, инженер, Киев, Красноармейская ул. №47, или 49, может установить, как, сидевши со мной в одной камере, мою попытку к самоубийству, вызванную вынужденным у меня признанием в бактериологической войне. Он же может подтвердить, что я просил его, в случае моей смерти, будучи на свободе, навестить мою жену и передать ей, что происходило со мной в тюрьме и в какой обстановке я был вынужден клеветать на себя. Он же может установить, что видел на мне следы избиения.

8x

8/ Горяченко помощник начальника Киевской внутренней тюрьмы /на Институтской ул./ в период времени конца мая - июня мес. 1939г., может установить, что им, при обыске, была обнаружена петля из полотенца для самоубийства и мой последовавший ^{со мной} разговор с ним.

В начале мая 1939г. я был вызван на допрос к новым для меня следователям Цегельману и Федорову:

Допрос происходил в совершенно необычной для меня до сих пор обстановке: меня не били, хотя мне не угрожали арестом моей семьи, меня не ругали площадной бранью, перед которой ругань прежних "извозчиков" являлась пустым звуком, меня не оскорбляли, не издевались над моей специальностью, как акушера-гинеколога /особенно всеми этими методами отличались Етеренберг, Рузенцов и виртуоз сержант Арутюнов/.

В этой обстановке я не мог больше продолжать свою бредовую ложь, не мог дальше клеветать на себя и на других, и 26 мая 1939г. я сделал, вызванному по моей просьбе Военному прокурору Киевского Особого Военного Округа, заявление в присутствии следователей Цегельмана и Федорова о том, что решительно все мои показания, данные до этого времени, являются ложными и клеветническими, как на себя, так и на других. При этом я подробно рассказал прокурору о тех невыносимых условиях следствия, в которых я все время находился и которые вынудили меня идти на клевету и ложь, а все что происходило со мной во время следствия, было чрезвычайно грубым нарушением самых примитивных условий и соблюдения революционной законности. В заключение я просил Военного прокурора единственно только о том, чтобы мне была предоставлена полная возможность доказать мою абсолютную непричастность к каким-бы то ни было контр-революционным преступлениям и мою полную невиновность.

Все это было мне обещано, но в дальнейшем не выполнено.

Начавшееся новое следствие, протекавшее, как я уже указал выше, ~~уже-представшее~~ при нормальных условиях, было, по моему убеждению, совершенно неожиданно для меня, после нескольких допросов, прервано 20/VI-1939г, так и не выяснив полностью и не дав мне возможности доказать ложность всех отдельных моментов вымышленной мною, от начала до конца, моей контр-революционной деятельности.

23 Октября 1939г. я был вызван следователем Цегельманом, заявившим мне, что мое дело закончено и что я могу ознакомиться с ним. По счету это было пятое окончание моего дела и только теперь впервые мне дали ознакомиться со всеми материалами

и документами по моему делу.

Прочитавши его, я тоже впервые ознакомился с целым рядом разнообразных, противоречивых и сплошь ложных на меня показаний. Ни одно из них мне ни разу не предъявлялось и поэтому, в процессе следствия, я не мог их своевременно опровергнуть.

Подписывая документ об окончании следствия, я тут же возбудил письменное ходатайство о новом возобновлении следствия на том основании, что я только после нятого окончания моего дела был впервые ознакомлен с целым рядом клеветнических и ложных показаний, оговаривающих и порочащих меня и что оставление их, без опровержения, несомненно ухудшает мое положение в глазах вышестоящих инстанций, которые в дальнейшем должны по этим документам выносить решение по моему делу.

/В таком ходатайстве через два дня мне было отказано/.

Такое мое предположение целиком и полностью оправдалось.

На свидании со мной перед этапом, уже после моего осуждения 24/IX-1940г. моя жена мне сказала, что она крайне удивлена исходом моего дела, так как в Военной Прокуратуре Киевского Особого военного округа ей сообщили, что прокуратура прекращала мое дело дважды и дважды выносила постановление о моем освобождении из-под стражи за полным отсутствием какого-бы то ни было состава преступления в моем деле и что после всего этого мое дело было направлено на утверждение в Москву Прокурору Союза. Так, после восьмимесячного лежания дела, прокурор Союза Панкратьев, за три дня до своего ухода с поста прокурора Союза, направил дело в Особое совещание. В Особом совещании отнеслись к моему делу несомненно формально, не разобравшись и не вникнув, почему еще, быть может, остались в нем какие-то неясности, которые дали Особому совещанию основание для моего осуждения, т.е. те неясности, которые были ясны очевидно Киевской Военной Прокуратуре, дважды выносившей постановление о моей полной невинности.

Для меня нет никакого сомнения в том, что какого рода и в чем состояли эти неясности моего дела. Они заключались в том, что следствие, как я это указывал выше, не было закончено полностью оно не проверило всех деталей моего дела.

Повидимому хорошо проверено было мое участие в какой бы то ни было контр-революционной организации, диверсионной и вербовочной деятельности.

Эта часть была очевидна и ясна и для Особого Совецания, которое меня не обвинило в этих преступлениях.

Следствие полностью не выясило моих взаимоотношений с актуеркой Эрикей Дистанцовной Кашнерер и консульством.

Лучшим доказательством этому служит то, что в ~~каждом~~ протоколе допроса моей жены от 29 июня 1939г. нет ни одного вопроса, выясняющего истинное положение вещей, а это несомненно должно было быть одним из самых важных моментов всего ее допроса, т.е. выяснения того, лгал ли я или говорил правду прокурору о действительных взаимоотношениях моих с Кашнерер: могли ли эти взаимоотношения быть такими, что позволили мне быть с ней в связи по своей шпионской деятельности. Также не были этим допросом полностью освещены мои отношения к немецкому консульству. Не выяснено могли ли они быть такими, что по своей шпионской деятельности я был связан с ним или с кем-либо из его сотрудников или с кем-либо из немцев вообще.

Каким же образом могло произойти, что Особое совещание нашло возможным меня осудить после того, как Киевская Военная Прокуратура прекратила дважды мое дело?

Произошло все это по двум причинам: 1/ следствие было прервано на середине расследования всех обстоятельств моего дела и 2/ закончивая 4 раза мое дело, меня ни разу не знакомили, совершенно незаконно, с моим делом, и я ничего не знал об имеющихся показаниях против меня.

Когда же закончили 23/Х-1939г. мое дело в пятый раз и мне дали познакомиться с ним, я только тогда впервые узнал все его подробности. Я сейчас же потребовал продолжения следствия, чтобы мне была дана возможность опровергнуть все дикие и нелепые, сплошь явно ложные показания, о которых я ничего до сих пор не знал. Мне опять таки незаконно было отказано в этом вполне законном моем требовании. Может быть это мое требование и противоречило каким-нибудь формальным юридическим моментам /я не юрист, и не могу об этом судить/, но я рассуждал повинуюсь голосу простой человечности, что Советская Власть судит не по букве закона, а по духу и что она никогда не допустит осуждения ни в чем неповинного человека, а если и могла произойти такая судебная ошибка, то ее всегда исправит.

Итак я оказался осужденным Особым Советом только за "шпионскую деятельность". Таким образом Особое Совецание мне поведали что я не состоял в фашистско-шпионско-диверсионной организации, а также не занимался подготовкой и вопросами бактериологической войны. Мне поведали также в том, что для осуществления этих целей я никого не вербовал, так как завербованные мною лица все на свободе уже давно. Итак мне не поведали только в том, что я никогда не был шпионом, никем для этой цели не был завербован и поэтому не мог заниматься какой бы то ни было шпионской деятельностью, хотя в процессе следствия с меня было снято обвинение по 6п.54 ст.

Когда я указал следователю Цегельману, об'явившему 23/X-1939г. об окончании моего дела, что с моей точки зрения, следствие совершенно не осветило и не проверило моих действительных взаимоотношений с Э.Х.Камерер и с консульством, то следователь Цегельман ответил мне, что мой отказ от всех моих предыдущих показаний, в частности от того, что я был завербован в качестве шпиона Иисовским германским консулом, принят следствием и не нуждается в проверке. Его об'яснения меня не убедили, но я был тогда бессилён что-либо сделать большее.

К сожалению для ознакомления со всем материалом моего дела мне было дано очень мало времени. Я просидел в тюрьме два с половиной года, а на ознакомление с обширным и серьезным делом мне дали всего 2 часа, кроме того, мне не было позволено сделать выписки даже фамилий лиц, давших на меня показания и поэтому я сейчас, опровергал эти показания и пропущу может быть, некоторых лиц, тем более, что кой-кого из них мне пришлось слышать впервые.

Во всяком случае я могу в любое время доказать совершенно неопровержимо ложность каких-бы то ни было показаний против меня о никогда не существовавшей мной какой бы то ни было контр-революционной деятельности.

Для выполнения этого я прошу: 1/ ознакомить меня еще раз со всеми показаниями против меня, чтобы не пропустить кого-нибудь и 2/ предоставить мне возможность на них возразить свидетельскими показаниями и документами.

Что же в конце концов произошло?

А произошло следующее: меня арестовали без всяких на то оснований, как это широко практиковалось во времена Успенского, что и было доказано на процессе Коллонтаевских шпионшиц НКВД.

В дальнейшем меня принудили методами личного обаяния и интуиции с самыми негитивными правилами ведения следствия и революционной законности, клеветать на себя и других, давать ложные показания и сознаваться в преступлениях, которые никогда не были совершены. Следствие начиналось и кончалось: раз и кащей раз в сторону улучшения, а не ухудшения моего положения. В процессе следствия с меня сняли еще до моего отказа от ложных показаний, второй в первой пункту 54 ст. /очевидно в виду явной неадекватности их./ Ни разу во время следствия мне не пред'являлось ни одно из конкретных показаний против меня.

Все следствие по обвинению меня в "шпионской деятельности" базируется только на основании лично придуманных мною совместно с однокамерниками Карсем и Слинько ложных показаний. Причем, надо отметить, что большая часть их была отвергнута прокуратурой и следствием. Совершенно произвольно и без всяких оснований была оставлена только непроверенная следствием часть о шпионской деятельности. Неужели и это сделано умышленно только для того, чтобы хотя бы за что-нибудь осудить меня на 8 лет заключения в северных лагерях, в тяжелых климатических условиях?

В моем возрасте /58 лет/ и по состоянию моего здоровья этот приговор равносителен приговору к высшей мере наказания, так как выйти живым после окончания этого срока совершенно невозможно.

Если я осужден за ту "шпионскую деятельность", которую я давал в своих показаниях, то она настолько нелепа и глупа, что я всё время боялся, что мне следователи швырнут в лицо мли, по меньшей мере, наивные показания и потребуют от меня "настоящей" шпионской деятельности, но в действительности же произошло то, что, как это верно утверждали Карась и Слинько от меня будут принимать всякую чепуху, лишь бы я только сам компрометировал себя.

Посмотрим, какие же шпионские задания германского консульства я принял, по моей версии, на себя: я должен был освещать развитие нацизма и влияние его на население; развитие коллективизации, сопротивление кулачества, смертность и заболеваемость населения и т.д.

Сведения для этого я должен был получать от моих многочисленных больных на приеме у меня.

Итак, получалось, что вместо того, чтобы лечить больных и расспрашивать о состоянии их здоровья, я, видя их в первый раз и совершенно не зная кто они, занимался у себя в кабинете не лечением, а выведыванием, как они смотрят на нэп и коллективизацию. Совершенно ясно, что если бы я только попробовал в действительности заниматься этими глупостями или даже еще более серьезными делами, то несомненно на 5-7 таком занятии я был бы арестован органами НКВД за такую, по меньшей мере, страшную "медицинскую" деятельность.

Кроме того, своим завербованным мною "агентам" я давал различные, тоже смехотворные поручения, так, например, доценту Кристеру я поручил освещать мне состояние Октябрьской больницы в Киеве /будто бы это так ~~интересовало~~ интересовало германскую разведку/. Я уже не говорю о том, что этот вопрос я мог бы осветить сам по состоянию I-ой рабочей больницы, в которой я работал. Другой мой "агент" инженер Осмульский освещал, по моему заданию, для меня новое школьное строительство для того, чтобы немцы могли бы знать, сколько там в новых ~~школьных~~ школах можно поместить раненых во время войны и т.д.

На заданный начальником III-го отдела НКВД УССР Грипшиным, какою задания Германской разведки я выполнял во время лечения жен ответственных сотрудников, я ответил в письменной форме, что освещал консульству бытовое разложение, которое я наблюдал в домашней обстановке. Другого я ничего не мог придумать. И это тоже было принято без возражений.

На заданный им же вопрос, как я осуществлял формирование фашистских штурмовых отрядов, я, в той же письменной форме, ответил, что поручил это дело моим "агентам", доценту Кристеру и инженеру Осмульскому.

Вот какого рода и тому подобной "шпионской деятельностью" я занимался по заданиям Германской разведки, по моим показаниям.

Вряд ли Особое Совещание осудило меня за такую деятельность, как нелепость, глупость и бессмысленность которой так очевидна.

Если же у меня была еще и другая "шпионская деятельность", не обнаруженная следствием и не фигурирующая в моем деле и о которой я ничего не знаю, но на основании которой я в действительности и осужден Особым Совещанием, то, я полагаю, что имею все основания требовать, чтобы мне ее предъявили, для того, чтобы я мог доказать всю вздорность и всякую беспочвенность такого обвинения.

Если бы доказательства и улики в этой, другой "шпионской деятельности", о которой я решительно ничего не знаю, были бы настолько очевидны, что все мои усилия опровергнуть их не привели бы ни к чему, то я тогда, по крайней мере, знал бы, за что я сижу в лагере.

Будучи совершенно невиновным ни в каких контр-революционных преступлениях, я так и не знаю, за что и за какую именно конкретную шпионскую деятельность я осужден.

Из всех показаний разных лиц против меня мне удалось без всякого труда опровергнуть только два показания и то только потому, что следователь Федоров в самый последний момент следствия ознакомил меня с ними. С остальными показаниями ни он, ни другие следователи меня не знакомили.

1/ Показания доктора Поляка о том, что он, как многолетний немецкий шпион, был связан с неким Шмидтом и когда последний уехал в Германию /не помню сейчас в каком году/, то он, Шмидт, лично связал меня с д-ром Поляком у меня на квартире и с тех пор, вплоть до моего ареста, он, систематически бывая у меня дома, получал и передавал свои задания.

Лично я д-ра Поляка совершенно не знал, я не твердо уверен в том, что хотя бы раз его видел, а у меня дом он конечно никогда не бывал, и когда я предложил следователю Федорову, чтобы Поляк на очной ставке доказал бы свое утверждение и в частности рассказал бы расстановку мебели в моей квартире и указал бы, какие лица впускали и выпускали его из моей квартиры и т.д., то Поляк конечно сразу же отказался от своей клеветы на меня, и очная ставка с ним мне не была дана. Шмидта, на которого ссылался Поляк, я никогда не знал, не видал и ничего о нем не слышал.

2/ Некий Бабанский в 1934г., будучи арестован органами НКВД, показал, что я его познакомил с секретарем Германского консульства

на водной станции, где стояла моя моторная лодка, и что на этой лодке я будто бы очень часто катал всех членов германского консульства, которые были моими очень близкими знакомыми и постоянно бывали ~~иногда~~ запросто в моем доме.

В действительности я совершенно не знал ни секретаря германского консульства и никого из сотрудников консульства, никогда их не видел на водной станции и поэтому я не мог его с кем-либо узнать и катать на своей моторной лодке.

Самого Бабанского я совершенно не помню, как сотрудника водной станции, я только допускаю, что может быть его и видел там, но он ни в какой мере не запечатлелся у меня в памяти.

Каждую субботу в 1925 и 1926 гг. я в 8-9 часов вечера выезжал на своей лодке к семье на дачу в Николаевскую пустынь на Десне, в понедельник, рано утром я приезжал обратно в город на работу. Среди недели я никогда не ездил на лодке, так как не имел для этого времени. Мотором я сам не управлял, так как я не умел это делать, а ездил всегда с шофером И.А. Лапицким, которого и просил вызвать при допросе в качестве свидетеля.

Во время знакомства с моим делом, я читал его показания. Они в точности совпадали с моими. Это произошло по одной простой причине: как он, так и я говорили о том, что в действительности ничего не имело место и что ни он, ни я не лгали. Когда я просил следователя Федорова вызвать Лапицкого свидетелем, я просил одновременно дать мне возможность доказать свидетельскими показаниями и документами лживость и клевету любого показания, изобличающего меня в контр-революционных преступлениях. Это тем более легко мне было сделать, что никакой контр-революционной деятельности у меня никогда не было, как и не было никаких поводов к этому.

Я всегда был очень перегружен работой, у нас был очень ограниченный круг знакомых, я никогда не встречался не был знаком ни с кем из лиц, которые когда-либо привлекались бы по каким-либо контр-революционным преступлениям. Если свидетель Лапицкий полностью отверг показания Бабанского, в том, что члены германского консульства катались на моей моторной лодке, то показания Бабанского о том, что эти члены консульства были моими близкими знакомыми и бывали очень часто запросто у меня в доме, — остались так и не опровергнутыми мной по той простой причине, что следователь Федоров не дал возможности мне это сделать, ограничившись только одним свидетелем, Лапицким.

Моя жена и все жившие со мною вместе, а также целый ряд близких знакомых нашей семьи могли бы засвидетельствовать, что у меня в доме никогда и ни разу не бывал никто из сотрудников германского консульства вообще и кто-либо из немцев в частности, кроме Каммерер, как я указал об этом выше.

Моя жена была вызвана для допроса, я читал ее показания и должен сказать, что такого бессодержательного допроса такого важного для меня свидетеля, который мог бы внести решающую ясность в моем деле, трудно еще себе представить. Все свелось при допросе, главным образом, к тому, в каких я был отношениях к Осмульскому. А жена моя могла бы многое рассказать, живя со мной 31 год. А между тем в протоколе ее допроса нет ни одного вопроса о Каммерер, о том, бывали ли немцы в нашем доме, о моем посещении раута у консула и, наконец, могла со своей стороны предложить для проверки всех этих моментов, целый ряд свидетелей.

Я не сомневаюсь в том, что следователи Федоров и Цегельман обо всем этом расспрашивали мою жену, но в протокол, по каким-то непонятным причинам, ничего не внесли.

А в Особом Совещании, изучая мое дело, несомненно обратили внимание на то, что из показаний Фабанского на меня осталось неопровергнутым мною, но это, как сейчас это ясно видно, произошло не по моей вине.

3/ Растропович показал, что в 1923г. /точно не помню/ у меня в доме было собрание шпионов во главе с германским подданным Марром. На этом собрании произносились контрреволюционные речи, раздавалось оружие и еще что-то, что я уже не помню.

Эта дикая и нелепая ложь. На самом деле имело место следующее: Около указанного ~~времени~~ выше времени в Киев приехал некий Марр, собаковод и спортсмен-охотник, сын киевского фабриканта, уехавшего после революции в Германию. Я никогда раньше не был с ним знаком и увидел его впервые на собрании союза охотников, где он, по приглашению правления союза, делал доклад о новинках в собаководстве. Я пришел послушать его доклад, так как имел породистых охотничьих собак и интересовался собаководством.

По окончании доклада меня с ним познакомили и с группой знакомых охотников мы вышли из собрания. Я жил не далеко и, проходя мимо моей квартиры, кто-то предложил зайти ко мне, выпить по стакану чая и закончить разговор о собаках. Мне неудобно было отказать,

и я пригласил всех зайти ко мне. Войдя домой, я попросил жену сделать на скорую руку чай. Мы все вместе вошли в столовую и со всеми членами моей семьи посидели немного и разошлись, так как было уже поздно. Все это Настропович изобразил как конспиративное собрание шпионов. Я прошу мне дать очную ставку с Растроповичем, чтобы разоблачить его, а также, чтобы Растропович назвал лиц, которые были тогда у меня и прошу допросить их в качестве свидетелей. Это было настолько незначительное явление в моей жизни, что я не помню сейчас, кто именно был тогда у меня. Я помню только одного Химиченко Феодосия Васильевича /г.Киев, ул.Ворошилова №-12/, которого также прошу допросить. Кроме того, прошу опросить об этом "собрании шпионов" мою жену и всех моих домашних, которые все время сидели с гостями и угощали их чаем, может быть они что-нибудь и вспомнят об этом незначительном для нас событии.

Если заявление Растроповича окажется верным, то надо, повидимому, привлечь к ответственности всех гостей, бывших у меня, а также и мою семью.

4/ Показания доктора Гудим-Левковича, относящиеся еще к 1931г., также от начала до конца ложны. Они тогда же отпали, но если они фигурируют опять в 1938г., то конечно мне надо дать возможность их опровергнуть. Такая возможность мне почему-то не была дана. Я прошу дать мне очную ставку с ним. Дело в том, что мы кончили с ним вместе Киевский Медфак в 1907г. С ним на курсе я не был близок, отношения даже были скорее враждебны. После окончания я никогда и нигде с ним не встречался и ни в какие сношения с ним не вступал. Он ни в каком случае не сможет ничем подтвердить свои утверждения. Пусть он назовет лиц, которые могут подтвердить его слова. Я прошу вызвать свидетелем моего близкого друга д-ра Флоринского Вячеслава Ивановича /Киев, Пушкинская ул. №-5/, с которым мы вместе с Гудим-Левковичем окончили в 1907 г. Медфак. Он подтвердит о моих взаимоотношениях с Гудим-Левковичем и о том, что у нас с ним не было ничего общего.

5/ Доктор Гергадт показал, что он часто бывал в моей семье, где он постоянно слышал всякие расхваливания фашистского режима в Германии и всего немецкого. Такая постоянная агитация так, будто бы, на него повлияла, что он стал немецким шпионом.

Показания его от начала до конца ложны. В жизни я видел его всего может быть 1 или 2 раза и то на самое короткое время. Когда я был в 1931 году арестован в течение 7-ми недель, то он будучи студентом-медиком, приходил несколько раз к нам ночевать для охраны дома, по рекомендации мужа моей племянницы, Вячеслав Ивановича Снегуровского. Он поздно приходил и рано уходил из дому на лекции. Вскоре после моего освобождения он кончил Киевский Мединститут и обратился ко мне с просьбой рекомендовать его к профессору Крымову на должность ординатора. Я исполнил его просьбу и дал ему рекомендацию. Профессор Крымов, зная его лучше, чем я, не исполнил мою просьбу и не взял его к себе ординатором. Больше я его никогда не видел.

Я выше уже говорил о том, как чуждо было мне все немецкое, а тем более моей семье, где жена моя была русская по рождению и воспитанию. Таким образом, когда он виделся с моей семьей за время моего ареста, не будучи близко знакомым с ней, он не мог слышать фашистскую пропаганду и быть вечно в атмосфере ее, как это он утверждал, по той причине, что моя жена не немка, а меня он не мог видеть и разговаривать со мной. Если бы это мое утверждение и было неверно, то хвалить все немецкое и изображать перед ним яркого немца я не мог еще и потому, что я не владел немецким разговорным языком, а какой же "порядочный" немец может быть без языка. Если бы я был немцем по духу, то конечно я был бы им и по языку. Кроме того, ложность его показаний доказывается еще и тем, что он утверждал о событиях, имевших место в 1931г., а фашизм, как известно, пришел к власти в 1934г., а развернулся во всю ширь гораздо позже.

6/ Доктор Абрагам также дал ложные показания на меня, как об этом он сам лично мне заявил, когда был посажен в одну камеру со мной. Я уже не говорю о том, что никогда раньше его не знал и ничего о нем не слышал. В своих показаниях он утверждал, что знает со слов профессора М.М. Губергрица, что я являюсь видным членом немецкой фашистской организации, а сам Губергриц состоит одним из главарей этой организации. Повидимому, следствие убедилось в ложности его показаний, так как я не привлечен к ответственности, как член этой организации, а проф. Губергриц, главарь организации, до сих пор на свободе. Между тем показания Абрагама фигурируют в моем деле. Если это имеет существенное значение, то я прошу допросить проф. Губергрица и выяснить, продолжает ли он еще считать меня членом своей к:рев. организации.

Я не помню сейчас

Я не помню сейчас были ли еще какие-нибудь показания против меня, так как в течение двух часов, которые были мне предоставлены за два с половиной года сидения в тюрьме для ознакомления с моим делом, были явно недостаточны для этого.

Анализируя все мое дело, для меня становится все более ясным, что был какой-то очень солидный донос на меня одного, вернее двух лиц, близко знавших меня и мою семью. Я даже почти наверное знаю их и если бы мне была бы только предоставлена возможность расширить эти мои подозрения, то я мог бы с полной уверенностью их обосновать и безошибочно назвать этих негодяев клеветников, которые, под предлогом революционной одиозности, погубили меня, а им подобные еще и много других. Эти лица были чем-то очень обижены мной и по подлости своей решились отомстить мне. Для этого они ловко использовали мое немецкое происхождение и расцвет деятельности изобличенных действительных врагов народа Ежова и Успенского и их верных агентов и приспешников. Им конечно очень помогла моя слабость, выразившаяся в том, что я не выдержал тяжелых условий следствия и стал давать на себя ложные и клеветнические показания. А к тому еще прибавились внутритюремные показания Абрагама, Поляка, Гаутермана, Абраимова. Из архива были извлечены показания Растратовича, Гудим-Левковича, Бабанского и др., и тяжкий государственный преступник оказался налицо.

Но "все течет", как сказал Гераклит, один из первых диалектиков так и дело мое текло и постепенно таяло, отпадали один за другим серьезные пункты обвинения, одно следствие сменялось другим. Если следствие было бы еще немного внимательнее к ко мне и дало бы мне, как я об этом все время настойчиво просил, возможность доказать правдивость и искренность отказа от вынужденных ложных моих показаний и отместить всю клевету и ложь, созданную системой следствия против меня, то вся эта накипь рассеялась бы целиком легко, ~~тяжко~~ также, как отпала лживая показания Поляка, Бабанского и Абрагама и др. и от всего моего "громкого" дела остались бы жалкие клочки доносов негодяев, лжецов и клеветников, которых так блестяще охарактеризовал и заклеил на XVIII партийном съезде Иданов.

Из настоящего моего заявления видно, что я упорно добивался всестороннего освещения расследования кошмарного для меня дела, но следствие также упорно не соглашалось довести его до конца. Мне хочется верить, что это сделано только потому, что судьба моя была предрешена заранее на радость и торжество клеветников и мерзавцев.

Мне не хочется верить в это, но в то же время я не могу отрешиться от этих мыслей. Я только всей душой глубоко верю в то, что Советская Правда восторжествует и мне будет в конце концов, дана возможность на новом следствии, которое должно до конца разобраться в моем несложном деле доказать это. Тогда станет ясным что я как и был так и оставался честным человеком, тружеником и энтузиастом на врачебном, преподавательском и общественном поприще.

Я должен быть освобожден и полностью реабилитирован. Это тем более должно быть сделано, что все мои товарищи, которые были арестованы в одно время со мной и искусственно об'единены в никогда не существовавшую к.рев.организацию с такой же никогда не существовавшей к.рев.деятельностью, -давно уже на свободе. Мое же место в лагере должны занять те, кто так гнусно и упорно лгал и клеветал на меня.

Это также должно быть сделано не потому только, что я прошу поверить мне, поверить моим словам, но я требую объективно, внимательно и всесторонне проверить полностью весь материал против меня, а также и то, как из меня делали шпиона, мне же прошу дать возможность доказать свою невиновность в каких бы то ни было контрреволюционных преступлениях.

В Виттенбург /подпись/

Доктор Медицины.

Ухто-Иземский в исправ.

трудов. лагерь, олл №-7.

Ветласяя.

22 мая 1941г.